

ЧТО ТАКОЕ РОССИЯ? РАЗНООБРАЗИЕ КАК СПОСОБ ОПИСАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹

А.Т. Урушадзе

Аннотация. В статье рассматривается устойчивая познавательная традиция, в рамках которой ключевой категорией Российской империи является разнообразие. Канон разнообразия как суммы оказался долговечной и влиятельной нарративной формой. Каковы пределы его влияния и границы когнитивных возможностей? Как он проявляется в современной гуманитаристике? Возможны ли альтернативные механизмы рефлексии об имперском опыте России? Вот основные вопросы предлагаемой статьи. Российская империя действительно являла собой пример уникального историко-культурного разнообразия. Вместе с тем это разнообразие приобретало черты единства и упорядоченности — или хотя бы иллюзии таковых. История Российской империи — это не только суммарная история ее разнообразных окраин/регионов, но в не меньшей степени история управления разнообразием, а иногда и история его преодоления. Автор приходит к выводу, что перспективным направлением развития империологических исследований является рассмотрение связей между различными частями государства Романовых, исследование проблемы внутри имперского трансфера управленческих идей и технологий, анализ передвижения бюрократов из одной окраины и/или губернии в другую, выявление формальных и неформальных административных практик, определение роли представителей общественности в борьбе за выбор политического курса империи на окраинах.

Ключевые слова: Российская империя, многосоставные государства, историография.

Урушадзе Амиран Тариелович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Южного научного центра Российской академии наук, доцент Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, aturushadze@sfedu.ru.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20117).

WHAT IS RUSSIA? DIVERSITY AS A WAY OF DESCRIBING THE RUSSIAN EMPIRE¹

A.T. Urushadze

Abstract. The article deals with a stable cognitive tradition, and the key category of the Russian Empire is diversity within its framework. The Canon of diversity as a sum turned out to be a long-lasting and influential narrative form. What are the limits of its influence and the limits of cognitive abilities? How is it manifested in modern humanitarianism? Are alternative mechanisms of reflection on Russia's Imperial experience possible? These are the main questions of the article. The Russian Empire was, indeed, an example of the unique historical and cultural diversity. However, this diversity has acquired the traits of unity and order, or at least the illusion thereof. The history of the Russian Empire is not only the summary of the history of its diverse outskirts /regions, but also the history of managing diversity, and sometimes the history of its overcoming. The author comes to the conclusion that a promising direction of development of imperiliastic research are the study of connections between different parts of the Romanovs state, investigation of the problem of managerial ideas and technologies in the Imperial transfer, analysis of movement of bureaucrats from one margin and/or province to another, identifying formal and informal administrative practices, defining the role of public representatives in the fight for the choice of policies Empire on the outskirts.

Keywords: Russian Empire, multi-component states, historiography.

Urushadze Amiran T., Candidate of Science (History), Researcher, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, aturushadze@sfedu.ru.

¹ The study was performed by a grant of Russian Scientific Foundation (project No. 17-78-20117).

Первая часть заглавия представляет собой парафраз известного вопроса французского историка Ф. Броделя, который назвал одно из самых значительных своих произведений «Что такое Франция?» [Бродель, 1994–1996]. Ответ ученый дал в трех увесистых томах, и коротко его можно сформулировать так: Франция — это разнообразие. Чтобы доказать это, Бродель описывает различные механизмы организации жизни в контексте истории и социологии разных французских (суб)регионов.

Броделевский ответ точно подходит к такому же вопросу о России. Этнокультурное и географическое разнообразие империи Романовых, а позднее Советской России отмечалось многими иностранными наблюдателями [Гибаль, 2017; Стейнбек, 2017]. Российские просторы удивляли (и пугали) европейских путешественников не меньше бытового и культурного разнообразия населения империи. Представитель «золотого века» датской культуры языковед Расмус Раск (1787–1832) отправился в Южную Азию (1818) для изучения индоиранских и других языков. Путь его лежал через Россию. Раск прожил несколько месяцев в Санкт-Петербурге, а в июне 1819 г. поехал дальше на юг через Москву, Тамбов, Астрахань, Моздок, Тифлис. Длинная дорога отнимала силы ученого и быстро истощала его средства, которые состояли из датской королевской стипендии. В письме к директору библиотеки Копенгагенского университета Р. Ньюэрупу Раск сетовал на пустынную и безлюдность российской территории: «После Москвы я провел в дороге уже 22 дня, когда мой кучер сказал мне пару дней назад, что мы у крайних пределов России, как Великой, так и Малой, и что это земля казаков, у которых свои законы. *Sit fides penes autorem*¹, так я пока не видел почти никаких людей, хотя я и нахожусь практически в сердце их страны» [Раск, 2018, с. 72–73]. Тяготы путешествия определяли содержание авторских оценок: «...я увидел Волгу во всей красе, которая не показалась мне превосходящей заурядные реки в Исландии» [Раск, 2018, с. 74].

Для Раска Российская империя — это сумма этносов и культур, проживающих на территории, подконтрольной петербургскому правительству. Критерием оценки имперского разнообразия у датского ученого выступают познания в литературе и словесности. Добравшись до Тифлиса и описывая местный колорит своим корреспондентам, Раск несколько раз с досадой повторяет следующий пассаж: «О грузинах же мне нечего особенно рассказывать, о литературе и искусстве они понятия не имеют...» [Раск, 2018, с. 88; с. 94] Это весьма характерная деталь: европейские ученые-филологи оставались безучастны к грузинской литературной традиции и ее несомненной вершине — поэме Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре». В 1849 г. редакция газеты «Кавказ» в статье «Причины равнодушия Европы к произведениям Восточного гения» так объясняла: «Живя в атмосфере своего мира, построенного по ее идеям, движущегося по ее законам — Европа не может узнать истинную цену, настоящий вкус умственных даров другого нравственного мира, стать так сказать выше самой себя. Она этого не сделает, потому что не признает потребности искать в литературе другого мира удовлетворения душевной жажды, когда ее литература удовлетворяет эту жажду» [Кавказ, 1849, с. 187].

¹ Пусть это будет на совести автора (лат.)

Но все же мотив европейского культурного снобизма в заметках Раска явно вторичен. Основной рамкой восприятия Российской империи для датчанина является расколотое разнообразие государства Романовых. Такая оптика стала, пожалуй, самой популярной в попытках описания России. Выдающимся опытом каталогизация российского разнообразия явилось знаменитое иллюстрированное издание Ф.Х. Паули «Народы России», изданное в 1862 г. на французском языке к тысячелетию Российского государства. Автор посвятил издание императору Александру II [Pauly, 1862]. Работа Паули превратилась в эталон и стимулировала развитие этнографических исследований.

Этот подход к описанию разнообразия имперской России пережил и падение династии Романовых, и распад СССР. В популярной книге писателя П.Л. Вайля «Карта родины» [Вайль, 2011], выдержавшей несколько изданий, заметны структура и логика Раска и других путешественников по России. Авторская карта родины складывается из конгломерата личных впечатлений и эмоциональных образов, которые перемежаются историческими и историософскими размышлениями.

Канон разнообразия как суммы оказался долговечной и влиятельной нарративной формой. Каковы пределы его влияния и границы когнитивных возможностей? Как он проявляется в современной гуманитаристике? Возможны ли альтернативные механизмы рефлексии об имперском опыте России? Вот основные вопросы, предлагаемой статьи.

Самым масштабным научным и издательским проектом, в котором предпринималась бы попытка описать имперский опыт России, стала серия книг «Окраины Российской империи» издательства «Новое литературное обозрение». Первоначально эти книги задумывались как учебные пособия для высших учебных заведений, а их подготовка и издание планировались при поддержке фонда Сороса. Но неожиданное прекращение работы фонда в России вынудили редколлегия серии переориентировать авторские коллективы на создание монографий, написанных для широкой читательской аудитории [Миллер, 2008, с. 360]. Текстам монографий предшествовало единое и очень важное теоретическое предисловие от редколлегии. Среди прочего в нем отмечалось: «Новая история империи — это именно та сложная ткань взаимодействия имперских властей и местных сообществ, которую нужно стремиться воссоздать во всей полноте. Когда мы говорим об имперском измерении российской истории, речь идет, прежде всего, о многообразии населения империи, о сложных системах отношений между центром и разнообразными окраинами...» [Центральная Азия в составе Российской империи, 2008, с. 6]. Мотив разнообразия звучит здесь отчетливо и определяет исследовательскую оптику — поиск и фиксация многообразия империи, проявляемого не только в этнографии, но и в административных механизмах интеграции, а также управления окраинами государства Романовых.

Книги серии совершенно справедливо получили положительные отклики, часть из которых была опубликована в одном из номеров журнала "Ab Imperio" в 2008 г. В наиболее концептуальном виде критические замечания были сформулированы

В.В. Лапиным на материале тома, посвященного Северному Кавказу [Лапин, 2008, с. 483–500]. Историк отметил несколько архаичных подходов, которые нашли место в книге, в том числе традиционную для советской историографии, но отнюдь не бесспорную хронологию Кавказской войны – 1817–1864 гг. В заключении статьи В.В. Лапин подчеркнул, что «вольное и невольное сочетание традиционных и новаторских подходов – неизбежный признак работ, в которых предпринимается попытка смены парадигмы» [Лапин, 2008, с. 500]. Традиционность подходов проявилась и в общей интенции построить нарратив о Российской империи на основе главенствующей идеи разнообразия. Это никак не снижает того значения, которое имел «Северный Кавказ в составе Российской империи» для отечественного кавказоведения. Книга стала не только первым опытом обобщения истории присоединения региона после позднесоветского проекта «Истории народов Северного Кавказа» [История народов Северного Кавказа, 1988], но выступила тематическим навигатором, открывшим новые исследовательские направления. Следует сказать, что такая оценка вполне справедлива по отношению к каждой из книг серии – их выход неизменно оказывался историографическим событием.

Авторские коллективы успешно показали имперское разнообразие в самых разных его проявлениях. Основным недостатком, по признанию редакторов книг серии, стала «некоторая недооценка связей между окраинами» [Бобровников, 2008, с. 506]. Речь идет о типологически близких институтах, использовавшихся империей для обеспечения контроля на окраинах, или внутримперском трансфере технологий власти и управления. «В каждой книге “центр” смотрит только на данную “окраину”, думает только о ней. Мы не видим, как взор чиновника перемещается с одной “окраины” на другую, как они сравниваются между собой, какие выстраиваются приоритеты, как опыт, идеи и образы из одного региона перемещаются в другой» – отметил автор и редактор «Центральной Азии в составе Российской империи» С.Н. Абашин [Абашин, 2008, с. 461].

Книги серии прекрасно справились с задачей показать разнообразие окраин и имперских систем обеспечения законности и порядка, но вне фокуса исследовательского внимания остались не менее значимые вопросы, связанные с наличием/отсутствием общих принципов, механизмов, стратегий интеграции присваиваемых территорий в российское политическое, социальное и культурное пространство.

Параллельно с подготовкой и выходом в свет «окраинных» томов была опубликована важная методологическая работа А.И. Миллера [Миллер, 2006] – председателя редколлегии серии «Окраины Российской империи». Ученый усомнился в перспективах регионального подхода в изучении имперского опыта России, указав на его недостатки и противоречия, в частности определенную мотивационную схожесть региональных нарративов с имперскими и национальными [Миллер, 2006, с. 27]. В качестве более эффективной и логичной альтернативы в деле изучения империи как полиэтнической структуры А.И. Миллер предложил ситуационный подход. Такая исследовательская оптика позволяет сфокусировать внимание уже не на регионе с его трудно определяемыми пространственными и хронологическими

границами, а на ситуации взаимодействия различных акторов. Целью здесь выступает понимание логики и мотивов поведения всех сторон взаимодействия. Ситуационный подход мог бы стать инструментом, позволяющим держать в поле зрения и разнообразие, и повторяющиеся имперские практики. Кроме того, «именно в логике ситуационного подхода историку оказывается легче освободиться от сознательной или неосознанной самоидентификации со “своим” актором (как правило, со своей этнической группой), с его “правдой”» [Миллер, 2006, с. 29]. Но представляется, что методологическая новация пока, увы, остается недостаточно востребованной.

В 2007 г. на русском языке вышла книга Б. Натанса «За чертой: евреи встречаются с позднеимперской Россией», где автор подвергал критике создание этнических и/или национальных историй по принципу «один народ за другим» [Натанс, 2007, с. 27]. Однако ни критика Б. Натанса, ни альтернативный подход А.И. Миллера не повлияли на главенствующие тенденции в отечественной историографии, в которой не только «один народ следовал за другим», но и «один регион следовал за другим».

Наиболее показательно это проявилось в больших коллективных монографиях. «Соотношение центра и национальных регионов действительно является одной из ключевых проблем отечественной истории. Это связано с гигантскими размерами территории России, с удаленностью регионов от центра; с экономическими, климатическими, культурными, религиозными и прочими различиями российских регионов», — отметил Ю.А. Петров в предисловии обобщающей монографии «Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть» [Петров, 2012, с. 12]. Расширение границ Российского государства на протяжении XVI–XVIII вв. представлено в книге как сумма присоединений различных регионов. Заключительная глава книги — «Историческое значение территориального роста России» — написана в научно-публицистическом стиле и сфокусирована на критике представлений о Российской империи как о «тюрьме народов».

Такой же принцип анализа и описания использовался в исследованиях, посвященных ментальным образам различных регионов Российской империи. Превалирование принципа «один регион за другим» объясняется его относительной простотой в сравнении с проведением комплексного тотального анализа связей и обусловленностей появления тех или иных моделей управления, систем взаимоотношений, литературно-художественных (эмоциональных) образов и т.д. В предисловии к коллективной монографии об особенностях формирования последних В.В. Трепавлов обоснованно отметил: «Мы не ставили перед собой непосильную задачу написать полную и связную историю формирования таких образов в российской культуре и ментальности на протяжении четырех столетий» [Образы регионов, 2011, с. 4].

Расширение и накопление информации о специфике развития различных регионов (окраин) Российской империи показали «цветущую сложность» государства

Романовых, затмившую проблему общеимперских принципов, стратегий, технологий поддержания государственного единства.

Поэтому вполне логичным выглядит появление очередной большой работы Б.Н. Миронова, в которой историк попытался определить концептуальные основы имперской экспансии [Миронов, 2017]. Непосредственно имперской проблематике посвящена третья глава книги – «Управление этноконфессиональным разнообразием». В новой монографии Б.Н. Миронов выделил несколько общих принципов этноконфессиональной политики Романовых: предоставление коренным народам окраин права «гражданских субъектов» на равных с русским населением основаниях; сохранение статус-кво присоединяемых территорий; сотрудничество с местными элитами; толерантность, проявляемая в отказе империи от дискриминации по этническим и конфессиональным признакам; проведение политики позитивной дискриминации этнических меньшинств; гибкость и прагматизм политики [Миронов, 2017, с. 182]. Отнюдь не все из этих принципов бесспорны. Наиболее уязвимым для критики является тезис о сохранении империей статус-кво присоединяемых территорий. «Политика на инкорпорированных территориях всегда строилась на сохранении существовавшего до вхождения в состав России административного порядка, местных законов и учреждений, отношений земельной собственности, верований, языка и культуры» [Миронов, 2017, с. 145], – отмечает Б.Н. Миронов. Но в практике Российской империи известны прямо противоположные сформулированному принципу примеры.

В ходе инкорпорации Восточной Грузии российское правительство ликвидировало власть династии Багратионов, хотя это противоречило ноте грузинских уполномоченных, представленной в апреле 1801 г. [Авалов, 2009, с. 172–173], а спустя год вызвало уже несколько протестных обращений кахетинского дворянства и духовенства [АКАК, 1866, 387–388]. Борис Николаевич отмечает, что «члены грузинского царствующего дома были выселены с родины во внутренние губернии в первое десятилетие после добровольного присоединения Грузии к России из-за опасности появления сепаратизма» [Миронов, 2017, с. 167]. По мысли автора, это объясняет и оправдывает действия российской администрации, которая нарушила принцип «статус-кво присоединяемой территории» из-за нелояльного поведения местной элиты. Но здесь причины и следствия перепутаны местами. После оглашения Манифеста о присоединении Восточной Грузии власть в стране перешла к Верховному грузинскому правительству во главе с российским генералом К.Ф. Кноррингом и действительным статским советником П.И. Коваленским. Картли-Кахетия была разделена на пять уездов, управлять которыми были назначены российские исправники [АКАК, 1866, с. 437–438]. Все это кардинальным образом поменяло систему власти и управления Картли-Кахетинским царством. Нет ничего удивительного, что в этих условиях кахетинское дворянство запротестовало и присягнуло на верность грузинским царевичам. Но большая часть этих выступлений была локализована российской администрацией без кровопролития, после переговоров с местной знатью, напуганной переменами.

Несмотря на небесспорный характер некоторых теоретических построений монографии Б.Н. Миронова, исследование, безусловно, является шагом вперед в изучении российского социокультурного пространства эпохи империи. Любопытно, что попытки обобщить опыт российского империостроительства наталкиваются на противоречивое имперское разнообразие, которое отказывается подчиниться универсальным принципам описания.

Постижение Российской империи через канон разнообразия остается главенствующей интеллектуальной стратегией в современной отечественной историографии. Это позволяет исследователям углублять представления об отдельных регионах и региональных механизмах властвования, расширять пантеон героев «имперского периметра», анализировать особенности отношений между частями периферии и имперским центром. Можно сказать, что история Российской империи сегодня – это, в некоторой степени, сумма региональных историй, которые написаны с разных методологических позиций и в разной степени фундированы в документальном измерении.

Российская империя действительно являла собой пример уникального историко-культурного разнообразия. Вместе с тем, это разнообразие приобретало черты единства и упорядоченности или хотя бы иллюзии таковых. История Российской империи – это не только суммарная история ее разнообразных окраин/регионов, но в не меньшей степени история управления разнообразием, а иногда и история его преодоления. Поэтому перспективным направлением развития империологических исследований видится рассмотрение связей между различными частями государства Романовых, исследование проблемы внутриимперского трансфера управленческих идей и технологий, анализ передвижения бюрократов из одной окраины и/или губернии в другую, выявление формальных и неформальных административных практик, определение роли представителей общественности в борьбе за выбор политического курса империи на окраинах. Поиск ответов на эти исследовательские вызовы потенциально способен открыть качественно новый этап в изучении прошлого Российской империи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абашин С.Н. Размышления о «Центральной Азии в составе Российской империи» // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 456–471.

Авалов З.Д. Присоединение Грузии к России. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2009. 264 с.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. I. Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1866. 816 с.

Бобровников В.О. Что получилось из «Северного Кавказа в Российской империи»: послесловие редактора несколько лет спустя // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 501–519.

Бродель Ф. Что такое Франция? М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994–1996.

- Вайль П.* Карта родины. М.: Издательство КоЛибри, 2011. 448 с.
- Гибаль П.* Обзорение Крыма, Новороссии и Кавказа в дневнике путешествия из Одессы в Тифлис Поля Гибалья, 1818–1819. М.: Русский Миръ, 2017. 416 с.
- История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.–1917 г.). М.: Наука, 1988. 640 с.
- Кавказ. 1849. № 47.
- Лапин В.В.* Об учебном пособии «Северный Кавказ в составе Российской империи» // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 483–500.
- Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.
- Миллер А.И.* О серии «Окраины Российской империи» и об откликах Теда Викса и Александра Смоленчука на книгу «Западные окраины...» // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 358–364.
- Мионов Б.Н.* Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 640 с.
- Натанс Б.* За чертой: евреи встречаются с позднимперской Россией. М.: РОССПЭН, 2007. 436 с.
- Образы регионов в общественном сознании и культуре России (XVII–XIX вв.). Тула: Гриф и К, 2011. 352 с.
- Петров Ю.А. и др.* Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. М.: РОССПЭН, 2012. 462 с.
- Раск Р.* Заметки о России. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 240 с.
- Стейнбек Д.* Русский дневник. М.: Эксмо, 2017. 320 с.
- Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.
- Pauly Theodore, de.* Description ethnographique des peuples de la Russie. Par T. de Pauly. Publie a l'occasion du jubile millenaire de l'Empire de Russie. Saint-Petersbourg: Bellizard, 1862. 436 p.

REFERENCES

- Abashin S.N. Razmy'shleniya o "Central'noj Azii v sostave Rossijskoj imperii" [Reflections on "Central Asia as part of the Russian Empire"], in *Ab Imperio*. 2008. № 4. Pp. 456–471 (in Russian).
- Avalov Z.D. *Prisoedinenie Gruzii k Rossii* [Georgia's accession to Russia]. SPb.: Izdatel'stvo zhurnala "Zvezda", 2009. 264 p. (in Russian).

Akty', sobranny'e Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej [Acts collected by the Caucasian archaeological Commission]. T. I. Tiflis: Tip. gl. upr. Namestnika Kavk., 1866. 816 p. (in Russian).

Bobrovnikov V.O. Chto poluchilos' iz "Severnogo Kavkaza v Rossijskoj imperii": posleslovie redaktora neskol'ko let spustya [What came out of the "North Caucasus in the Russian Empire": editor's afterword a few years later], in *Ab Imperio*. 2008. № 4. Pp. 501–519 (in Russian).

Brodel' F. *Chto takoe Franciya?* [What is France?]. M.: Izd-vo im. Sabashnikovy'x, 1994–1996 (in Russian).

Vajl' P. *Karta rodiny'* [The map of the homeland]. M.: Izdatel'stvo KoLibri, 2011. 448 p. (in Russian).

Gibal' P. *Obozrenie Kry'ma, Novorossii i Kavkaza v dnevnike puteshestviya iz Odessy' v Tiflis Polya Gibalya, 1818–1819* [Review of the Crimea, new Russia and Caucasus in the diary of a trip from Odessa to Tiflis of Paul Gibal, 1818–1819.]. M.: Russij Mir", 2017. 416 p. (in Russian).

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevnejshix vremen do konca XVIII v. [History of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of XVIII century] M.: Nauka, 1988. 560 p. (in Russian).

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konec XVIII v. – 1917 g.) [The history of the peoples of the North Caucasus (end of XVIII century–1917)]. M.: Nauka, 1988. 640 p. (in Russian). Kavkaz. 1849. № 47 (in Russian).

Lapin V.V. Ob uchebnom posobii "Severny'j Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii" [About the textbook "The North Caucasus as a part of the Russian Empire"], in *Ab Imperio*. 2008. № 4. Pp. 483–500 (in Russian).

Miller A.I. *Imperiya Romanovy'x i nacionalizm: e'sse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [Romanov Empire and nationalism: an essay on the methodology of historical research]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 248 p. (in Russian).

Miller A.I. O serii "Okrainy' Rossijskoj imperii" i ob otklikax Teda Viksa i Aleksandra Smolenchuka na knigu "Zapadny'e okrainy'..." [About the series "Outskirts of the Russian Empire" and the responses of Ted Wicks and Alexander Smolenchuk on the book "Western outskirts..."], in *Ab Imperio*. 2008. № 4. Pp. 358–364 (in Russian).

Mironov B.N. *Upravlenie e'tnicheskim mnogoobraziem Rossijskoj imperii* [Management of ethnic diversity of the Russian Empire]. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2017. 640 p. (in Russian).

Natans B. *Za chertoj: evrei vstrechayutsya s pozdneimperskoj Rossiej* [Behind the line: Jews meet with late Imperial Russia]. M.: ROSSPEN, 2007. 436 p. (in Russian).

Obrazy' regionov v obshhestvennom soznanii i kul'ture Rossii (XVII–XIX vv.) [Images of regions in the public consciousness and culture of Russia (XVII–XIX centuries)]. Tula: Grif i K, 2011. 352 p. (in Russian).

Petrov Yu.A. i dr. *Rossijskoe gosudarstvo ot istokov do XIX veka: territoriya i vlast'* [The Russian state from its origins to the XIX century: territory and power]. M.: ROSSPEN, 2012. 462 p. (in Russian).

Rask R. *Zametki o Rossii* [Notes about Russia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 240 p. (in Russian).

Stejnbeek D. *Russkij dnevnik* [Russian diary]. M.: E'ksmo, 2017. 320 p. (in Russian).

Central'naya Aziya v sostave Rossijskoj imperii [Central Asia in Russian Empire]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 464 p. (in Russian).

Pauly Theodore, de. *Description ethnographique des peuples de la Russie* [Ethnographic description of the peoples of Russia]. Par T. de Pauly. Publie a l'occasion du jubile millenaire de l'Empire de Russie. Saint-Petersbourg: Bellizard, 1862. 436 p. (in French).